

*кандидат филологических наук,
докторант кафедры зарубежной
литературы Днепрпетровского
национального университета*

СПЕЦИФИКА ПЕРЕЖИВАНИЯ ВРЕМЕНИ В ПОЭТИЧЕСКИХ ДНЕВНИКАХ

Память, прошлое являются жанрообразующими, "ядерными образами" [15, с. 81] автобиографических произведений. Отношение к категории времени, особенности ее проявленности в произведении представляет ключевой критерий их разграничения: выделение мемуаров, дневников, автобиографий связано с особенностями видения событий, опосредованных временной дистанцией, что влияет на восприятие достоверности событий, способов их видения и изображения. Сегодня в литературоведении доминирует тенденция к разграничению жанров дневника и мемуара. В основе их дифференциации заложено много критериев. Один из основных – особенности переживания времени. Сиюминутность впечатлений дневника определяется в качестве доминирующего признака жанра [3; 5; 10; 13]. Временная дистанционированность мемуара, по мнению ученых, вызывает много отступлений от документального начала и иных трансформаций, присущих только мемуару [8; 20]. Однако на практике же мы видим размывание межжанровых границ автобиографической литературы, о чем свидетельствуют как историко-литературные исследования [19], так и теоретические [16]. В монографии украинского исследователя Г.Сиваченко в небольшом экскурсе в проблему типологии дневника резюмируется: "Щоденники – жанр мемуарний" [19, с. 21]. Очевидно, автор подразумевает в этом случае конкретную разновидность жанра, которой присуща актуализация вопросов времени, эпохи. Широко мыслит исследователь Л.М. Ньюбина, рассматривающая мемуары, дневники, автобиографии в контексте мнемонического повествования, в котором "авторрефлексивное "я" не рассказывает, а отражает моментальное состояние "я", включая при этом ретроспективное видение или переоценку прошлого, которое и лежит в основе авторрефлексии" [16, с. 32]. Актуальность проблемы "памяти" в контексте соотношения документальности и художественности автобиографической литературы формулируется и в исследовании В.Д. Алташиной: "Большое место отведено проблеме памяти, которая не привлекала пристального внимания исследователей, интересовавшихся в основном тем, каким искажениям подвергается истина в процессе припоминания и можно ли ожидать достоверности от мемуарного произведения" [1, с. 6]. Как видим, узко литературные подходы к проблеме, не способные выявить ее внутреннюю многомерность, вызывают неудовлетворенность и стимулируют исследовательский поиск, результаты которого внушают доверие и заставляют еще раз обратиться к рассмотрению роли "настоящего времени" в осмыслении жизни личностью в жанре поэтического дневника. Таким образом, целью представленной статьи является выяснение роли концептов "прошлого" и "воспоминания" в поэтических дневниках русской и украинской литературы XIX – начала XX вв. на фоне возникшего противоречия между дневниковой "актуальностью" и временной дистанцией, характерной для других автобиографических жанров, но проникающей в дневник.

Диапазон ощущения его протекания в поэтических дневниках очень широк: актуализируются вечность и мгновение, в которые легко превращаются дни лирического субъекта под зафиксированной точной датой. Установка дневника на современное, текущее событие в этом поэтическом жанре действенна, но под воздействием лирического переживания дневниковые временные модусы трансформируются. Одним из направлений

такой трансформации является расширение понимания "биографического времени", которое в поэтическом произведении свободно преодолевает границу между мечтой и реальностью, прошлым и настоящим, сохраняя между тем значение подлинности. Можно сказать, что настоящее – это принцип, "духовная актуальность, которая содержит в себе прошлое и будущее; поэтому оно не проходит никогда — и неподвижно, вечно. Там находится чувство, которое распускается в мысль и освещается достоверностью" [11, с. 72].

Лирический субъект поэтического дневника существует в настоящем времени, ослабляя модусы прошлого и будущего, что выражено традиционным акцентированным "сегодня" и соответствующими грамматическими формами. Однако дневниковое настоящее, подчиняясь законам лирического рода, переносит время из сферы внешней актуальности в иное измерение. Оно получает возможность обрести полноту, отбросив все сомнения в таком осуществлении. Поэтический дневник развивает это дневниковое "сейчас", доводит до предела, обнаруживая абсолютность его проявлений. Для иных форм дневника настоящее неуловимо, его относительность прикреплена к потоку уходящего времени, который удается остановить в лирике. Стремясь к объемности, бесконечности, настоящее вступает в связь с иными временными пластами, образуя сложный образ его переживания.

Таким образом, в поэтических дневниках диалектика форм времени прослеживается очень четко. Но прошлое неожиданно приобретает выразительность, подчеркнутую многообразием сопутствующих образов и мотивов, вступая в противоречие с жанровой доминантой "настоящего" и развеивая его превосходство. Воспоминания человеку в поэтическом дневнике "снятся" (В. Брюсов "Из дневника"), "лелеются" (А. Плещеев "Листок из дневника"), "отзываются" ("відгукуються") (Б. Лепкий "Из записної книжки"), "тревожат" (Н. Огарев "Buch der liebe"). Возвращение к прошлому, воспоминания образуют не хронологически завершенные ценностно позитивные сферы бытия лирического субъекта. Прошлое конфликтно сопричастно настоящему "я", нарушает его целостность, и нередко вызывает сомнение в самой возможности внутреннего слияния. В цикле Б. Лепкого "Из записної книжки" мотив повторения возникает в стихотворении "На новий рік", логически завершая тему изменения и поиска ("Змінилися, я знаю це, / І співанки мої" [12, с. 74], "Я пережив свої бажання / І мрії пережив свої" [12, с. 78], "Людей питаю і питаю Бога: / Куди мій шлях? куди моя дорога?" [12, с. 79]) первой части, графически не отделенной поэтом, но резко выделяющейся на фоне развития основных образов и тем произведения.

Мотив воспоминания в семантически близких вариациях повторения, возвращения обнаруживается в большинстве поэтических дневников. В "Листке из дневника" А. Плещеева эти мотивы образуют смысловые вершины, между которыми разворачивается лирическое повествование. Фиксация восстановленных событий в памяти формой дневника привязываются к душевному состоянию сего дня лирического субъекта. "Воспоминание лелею я одно" [17, с. 83], "И возвратился вновь я в скучный город свой" [17, с. 84], "Я снова посетил давно знакомый дом" [17, с. 85], - этапы постепенного погружения в чувственную атмосферу прошлого.

Исключительность воспоминаний, мысленных и эмоциональных возвращений отмечается в цикле А. Григорьева "Дневник молитвы и любви". Переплетение нескольких планов прошлого и настоящего настолько тесно, что их сложно разграничить. Лирический субъект переживает воспоминание через физические зримые детали, вскользь отмечая эмоциональное восприятие наблюдаемой им действительности. В таких случаях он скучает, и ничто не вызывает в нем интереса следить за внутренним миром, о чем неоднократно пишет: "И стало скучно мне..." [9, с. 80], "Признаться, пустотою / Душа страдала. Я уж готов / Идти скучать домой" [9, с. 81]. Но, как только лирический субъект "погружался душой в воспоминанье", возникает совершенно иной образ переживания: "[И снова ты явилась предо мной / И тот же вид смиренно-горделивый...] / И ожил снова я... и первую любовь, / И слезы, и мечты душа постигла вновь" [9, с. 81]. Прошлые чувства становятся действительными в сегодняшнем дне лирического субъекта. Они возникают "снова",

наполняя пережитое большим трагизмом, утратой, известной настоящему лирического субъекта.

Контрастная роль полноты жизни прошлого и долга, принятого на себя когда-то, организует и стихотворение "Из дневника" (1882) С. Надсона, в котором предчувствия и ожидания ночи смешались с временными переживаниями: "Как волны, давно позабытые звуки / Нахлынули в душу, пылая огнем, / И бились в ней, полной трепетной муки, / И отклика ждали в затишье ночном" [14, с. 135]. Но объективированный внутренний голос, "демон тоски и сомненья", напоминает лирическому субъекту о сделанном когда-то выборе, отдавая желанную возможность эмоционального единения прошлого и настоящего, обретения целостности осознанием раздвоенности душевных и рассудочных стремлений. Поэтическая мысль переносится в сферу этических, общих понятий ("Как гордо давал ты обет отреченья / От радости жизни – для битвы со злом" [14, с. 136]), выстраивая жесткую вертикаль, выраженную характерными для поэтической системы поэта "эмоционализмами и поэтикой антитез" [18, с. 8]: отречение – "прекрасные грезы", "дума о счастье" – "позорные слезы".

Причины изменений времени, присущего жанру дневника, заключаются и в особенностях лирического мирообраза, и в специфике индивидуального отношения-переживания. Стратегии творческого преобразования времени разнообразны. М.Л. Гаспаров, убедительно показал переход в поэзии М. Цветаевой от регулярной фиксации впечатлений и вещей, поэтизации быта, то есть прямой соотнесенности со способами освоения материала жанром дневника, к углублению и обобщению образа в зрелом творчестве, что вызвало и перемены в структуре художественного времени. Описывая эти изменения, ученый пишет: "День лирического дня сжимается до момента, впечатление – до образа, мысль – до символа, и этот центральный образ начинает разворачиваться не динамически, а статически, не развиваться, а уточняться" [7, с. 142].

Своеобразие "сворачивания" времени не означает его редукцию, в чем убеждает опыт анализа поэтических дневников. Это скорее "остановка настоящего", вызванная особым его переживанием. В поэтических дневниках конца XIX века "воспоминание-прошлое" и "мгновение-настоящее" тесно сплетены. Взаимодействуя, они раскрывают внутренние механизмы жизни души. В произведении "Из записной книжки" (1904) К. Бальмонта мысль о слиянии времени возвышается полнотой чувства, выраженной в образах музыки: "Как странно перебирать старые бумаги, перелистывать страницы, которые жили – и погасли для тебя, их написавшего... Вот я смотрю на них, и многое в старом удивляет меня новизной. В свете мгновений я создавал эти слова. Мгновенья всегда единственны. Они слагались в музыку, я был их частью, когда они звенели... Я другой, я один, мне осталось лишь несколько золотых песчинок из сверкающего потока времени..." [2, с. 543]. Острое ощущение времени, какие бы формы оно ни приобрело, это внутреннее противопоставление распаду, разложению сознания. Не случайно, бесформенность переживания времени уподоблена хаосу, разрушающему началу. Отсюда, часто возникающая ситуация "междумирья" и "безвременья", которая тяготит лирического субъекта и служит отправной точкой его исканий в поэтических дневниках. Освобождение от инертности символизирует "мелодия" как творческое упорядочивание, гармонизация мира: "звуками" охвачен лирический субъект С. Надсона, мелодия Шуберта звучит у А. Плещеева, пронизан "співом" цикл Б. Лепкого "Из записной книжки", "влюбленные" и "страстные" звуки встревожили сердце лирического героя Н. Огарева, отдаваясь мгновению, лирическое "Я" В. Брюсова провозглашает возможность бесконечного для человека: "Все дни направляются случаем, - / Могу упиваться я всеми, - / И ночи подобны созвучиям / В одной беспредельной поэме" [6, с. 105]. Застывшее настоящее в определенном смысле вневременно, эмоционально-ценностно весомо. Рассматривая границы самосознания, М. Бахтин отмечал, что "сам для себя я не весь во времени" [4, с. 132]. Всплеском самопроявленности в поэтических дневниках становится состояние, отрицающее и преодолевающее внешние границы времени. Не случайно философ

так подробно говорит о смысловой опоре времени для себя, делая акцент на его музыкальной ритмичности. Разрушая отграниченное временем оформление жизни, "Я" не приемлет ее завершения и не знает его.

Таким образом, в поэтическом дневнике наблюдается сложное понимание времени: от прошлого сквозь актуальное настоящее к мгновению и вечности. Стремлением представить в сложном единстве и необходимой взаимосвязи эти временные модусы вызвана и синтетичность формы жанра, расположенной на границе литературных жанров, родов и даже искусств. Глубинный синтез форм времени осуществляется в поэтических дневниках не путем межжанрового взаимодействия. В противном случае, развитие прошлого времени и событий, благодаря ему, проникающих в поэтическое произведение, можно было бы объяснить комбинацией дневникового и мемуарного жанра. Но в поэтических дневниках нет и следа подобной установки. Здесь снимается главное противоречие мемуара: "настоящего" автора и "настоящего" героя, определяющего специфическую упорядоченность и смысловую направленность произведения. Синтез, осуществляемый в поэтическом дневнике, ориентирован на создание целостного образа внутренних душевных изменений, нарушающих последовательную и каузальную взаимосвязь ситуаций, что свидетельствует о том, что в основе слияния, его движущей силой выступает родовое лирическое начало. Пытаясь воссоздать структуру развития "времени" в поэтическом дневнике, мы обнаруживаем механизм синтеза, в котором первичное заданное "настоящее"-актуальное отрицается возникновением сильных смысловых позиций, связанных с прошлым и воспоминанием, вызывая появление новой формы ощущения настоящего времени в его всеобщности и всеохватности.

Литература:

1. Алташина В.Д. Роман – мемуары во французской литературе ХУШ века: генезис и поэтика: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук / В.Д. Алташина. – СПб, 2007. – 35 с.
2. Бальмонт К. Стихотворения / Константин Бальмонт. – М.: "Книга", 1989. – 558 с.
3. Банк Н. Нить времени. Дневники и записные книжки советских писателей / Банк Н. – Л.: Л.О. "Советский писатель", 1978. – 247 с.
4. Бахтин М. Автор и его герой: К философским основам гуманитарных наук / Михаил Бахтин. – СПб.: Азбука, 2000. – 336 с.
5. Бочаров А. Законы дневникового жанра / А. Бочаров // Вопросы литературы. – 1971. - № 6. – С. 64 – 69.
6. Брюсов В.Я. Избранные сочинения / В.Я. Брюсов. – М.: Художественная литература, 1980. – 574 с.
7. Гаспаров М.Л. О русской поэзии: Анализ, интерпретации, характеристики / М.Л. Гаспаров. – СПб.: Азбука, 2001. – 480 с.
8. Гаранин Л.Я. Мемуарный жанр советской литературы / Л.Я. Гаранин. – Минск: Наука и техника, 1986. – 224 с.
9. Григорьев Ап. Сочинения: в 2-х т. / Ап. Григорьев. – М.: "Художественная литература", 1990. – Т. 1. – 1990.– 607 с.
10. Даровская И.Г. Писательский дневник и формы его модификации (на материале творчества М.Фриша): Автореф. дисс. канд. филол. наук: / И.Г. Даровская – К., 1992. – 19 с.
11. Джентиле Дж. Введение в философию / Дж. Джентиле; пер. с итал. А.Л. Зорин. — СПб.: Алетейя, 2000 г. — 470 с.
12. Лепкий Б. Твори: у 2-х т. / Б. Лепкий. – К.: Дніпро, 1991. – Т. 2. – 1991. – 862 с.
13. Михеев М.Ю. Дневник как эго-текст (Россия, XIX - XX) / М.Ю. Михеев. – М.: Водолей Publishers, 2007. – 264 с.
14. Надсон С.Я. Стихотворения / С.Я. Надсон. – Л.: Советская Россия, 1987. – 336 с.

15. Николина Н.А. Поэтика русской автобиографической прозы: учеб. пособие / Н.А. Николина. – М.: "Фланта", 2002. – 424 с.
16. Ньюбина Л.М. Повествовательное пространство мемуарного текста / Л.М. Ньюбина. // Современные методы анализа художественного произведения: материалы науч. семинара, Гродно, 2 – 4 мая 2003. – Гродно: ГрГУ, 2003. – С. 28 – 40.
17. Плещеев А.Н. Полн. собр. стихотворений / А.Н. Плещеев. – М. - Л.: Советский писатель, 1964. – 429 с. (Большая серия. 2-е издание)
18. Сапожков С. В. Русская поэзия 1880 – 1890-х гг. в свете системного анализа: от С.Ф. Надсона к К.К.Случевскому: автореф. дисс. на соиск. уч. ст. д. филол. н.: спец. 10.01.01 "русская литература" / С.В. Сапожков. – М., 1999. – 21 с.
19. Сиваченко Г. Пророк не своєї вітчизни. Експатріанський "метароман" В.Винничука: текст і контекст / Г. Сиваченко. – К.: Альтернатива. – 2003. – 280 с.
20. Шайтанов И. "Непроявленный жанр", или литературные заметки о мемуарной форме / И. Шайтанов // Вопросы литературы. – 1979. - № 2. – С. 50 – 77.

Анотація

О. ЮФЕРЕВА. СПЕЦИФИКА ПЕРЕЖИВАНИЯ ЧАСУ У ПОЕТИЧНИХ ЩОДЕННИКАХ

У статті обговорюються проблеми межових жанрів, особливостей їх взаємодії, складності їх синтетичної форми на матеріалі російської та української поезії XIX – початку XX ст. Окремі презентації теперішнього часу у поетичному щоденнику, актуалізація минулого, їх злиття в образах позачасовості, осмислюються у контексті міжжанрової диференціації автобіографічної літератури. Складною єдністю часових модусів проявлено синтетичність жанрової форми поетичного щоденника. У результаті аналізу поетичних текстів визначено домінуючу роль ліричного родового начала у перетворюванні часових переживань.

Ключові слова: жанр, лірика, мемуари, поетичний щоденник, час, ліричний суб'єкт, синтез.

Аннотация

Е. ЮФЕРЕВА. СПЕЦИФИКА ПЕРЕЖИВАНИЯ ВРЕМЕНИ В ПОЭТИЧЕСКИХ ДНЕВНИКАХ

В статье обсуждаются проблемы промежуточных жанров, особенностей их взаимодействия, сложности их синтетической формы на материале русской и украинской поэзии XIX – начала XX вв. Особые презентации настоящего времени в поэтическом дневнике, актуализация прошлого, их слияние в образах вневременности, получают осмысление в контексте межжанровой дифференциации автобиографической литературы. Сложным единством временных модусов проявлена синтетичность жанровой формы поэтического дневника. В результате анализа поэтических текстов определена доминирующая роль лирического родового начала в преобразованиях временных переживаний.

Ключевые слова: жанр, лирика, мемуары, поэтический дневник, время, лирический субъект, синтез.

Summary

O. YUFEREVA. SPECIFICITY OF TIME EXPERIENCE IN POETIC DIARIES

The article deals with the problems of intermediate genres, peculiarities of their interaction, complexity of their synthetical forms on the basis of Russian and Ukrainian poetry of the 19th – early 20th c. Peculiar presentations of the modern time in the poetic diary, the foregrounding of the past, their fusion in the out-of-time images get conceptualization within the context of inter-genre differentiation of autobiographical literature. The synthetical genre form of the poetic diary is

revealed by complexive integrity of the time moduses. Dominant function of lyric poetry's nature of the time feeling transformation is defined as a result of the reseach of poetical texts.

Key words: genre, lyric poetry, memoirs, poetic diary, time, lyric individual, synthesis.